

A romantic painting of a man and a woman sitting at a table in a garden at night. The scene is illuminated by several hanging lanterns, creating a warm and intimate atmosphere. The man is on the left, and the woman is on the right, both looking at each other. The table is set with a white tablecloth, a vase of flowers, and lit candles. The background is filled with lush greenery and blooming flowers, possibly roses.

А.В. Манин-Уралец

**Шансон в тебе
самом.
Сборник 4**

18+

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 4

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Шансон в тебе самом. Сборник 4 / А. Манин-Уралец — «Автор»,
2026

В сборнике 4 «Шансон в тебе самом» представлены произведения автора в стиле шансона, которыми он словно бы рекомендует его не столько для исполнения вслух, сколько для пения или же простого чтения в собственной душе, про себя. Шансон, а также вызываемые для его создания всевозможные чудные перипетии окружающего мира, требующие порой стихотворного отражения, присутствуют в сознании каждого человека, не оторванного от повседневной жизни общества и каждой его отдельной живой души. Своим «стихотворным шансоном» автор будто вступает в беседу одновременно с окружающим миром и с теми, кого представляет за чтением той же самой музыки смыслов о нашем повседневном быте и любви, которую поет и слышит он сам. Сам в себе. Оттого и название сборника - «Шансон в тебе самом». А его слоган - Тысяча и одна песня любви.

© Манин-Уралец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Матрос не спит	5
Глаза в глаза	7
Домой!	9
Нет и долга	11
Вернуться в сад	12
Ничей	14
Кресты	15
Души твоей дрожь	17
Дятел	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

А.В. Манин-Уралец

Шансон в тебе самом. Сборник 4

Матрос не спит

Кровать качается над морем,
Матрос не спит, луна во сне,
Волна качается, как горе
Над прахом, в черной пелене.
И руки тянет к подбородку,
Чтоб разум ими поддержать?
Матрос в раздумьях – посередке:
Влюбиться или подождать?..
Матрос в раздумьях – посередке:
Влюбиться или подождать?..
Влюбиться или подождать?..
Разболтан ты волною, славный,
Матрос, и в качке мозг горит,
Девятый вал в десятый плавно
Втекает, кто же победит?
Конечно, победит с любовью,
Конечно, память победит,
Девятый вал мерцает кровью.
Десятый в кровь матросом влит.
Случайно пеной бьет по рынде,
И колокол вдали звенит,
Наверно, там не спится рыбе,
И море каверзно не спит...
...И не в кого влюбиться в море -
Верстами сплошь волнами зыбь.
Матрос не все в себе зашторил:
Есть что-то в жизни – не забыть!
Матрос не все в себе зашторил:
Есть что-то в жизни – не забыть!
Есть что-то в жизни – не забыть!
Но все это пока лишь в грезах,
И кубрик стонет от волны,
На гребне спящие матросы,
Под гребнем кочета-луны,
Матрос качается в вершине,
И смотрит молча на друзей,
У каждого своя пучина,
И каждый, может, ротозей.
Он не любил, и это помнил,
Теперь в сомнениях матрос.
Кровать качается, как волны,
Как горе каверзный вопрос:

Влюбиться? Или – посередке:
Мечтами жить, как и жилось?
Матрос не спит, как камбуз в лодке;
Мечтает в кубрике матрос...
Матрос не спит, как камбуз в лодке;
Мечтает в кубрике матрос...
Мечтает в кубрике матрос...
Качает океан, как в лодке,
И с палубы моря текут,
Матрос на веслах посередке,
Его мечты любви влекут,
Глаза он тихо закрывает,
Летит над небом альбатрос,
И постепенно засыпает,
И входит в нежности матрос,
И постепенно засыпает,
Любя грядущее, матрос,
Любя грядущее, матрос.

Глаза в глаза

Глядишь небесною грозою,
И я гляжу в твои глаза,
Ты не считаешься со мною,
Но ведь и я твоя гроза!
Штурмуют небо вихри сопок,
Как твердый лед небес глаза,
И, словно, оголтелый топот
Доносит первая гроза.
Сгущаются в мрак камня кроны,
Листва крепчает, словно, сталь,
И горизонт - в камнях короны,
Все ближе громовая даль.
Все ниже, приземленной небо,
И сопки режут льда напор,
Глаза распахивают недра.
Глаза – в глаза, упор в упор!
Ты как земля и убеждаешь,
Я как луна – лишь спутник твой,
Но все же ты не понимаешь,
Что я гроза, но я – живой!
Штурмует небо камни сопок,
Листва с каменьев – сталь звенит,
И перерос в атаку топот,
И вылез из корней гранит.
А корни рвутся, вылезают
Из-под земли стволы берез,
И, наконец, весь мир пронзают
Раскаты света, вспышки гроз.
Земля, конечно, побеждает:
Вся она есть громоотвод.
Земля, конечно, убеждает –
Синицей ее темный свод.
А небо? То журавль в небе.
Все приземленнее оно?
Не убеждает эта небыль,
Хоть небу это – все равно.
А ты все тратишь мои нервы,
Все сталь и лед, ушел покой,
А ты толкаешь меня в недра
Но и сама идешь за мной.
Сгущаются в мрак камня кроны,
Листва крепчает, словно, сталь,
И горизонт - в камнях короны,
Все ближе громовая даль.
Все ниже, приземленной небо,
И сопки режут льда напор,

Глаза распахивают недра.
Глаза – в глаза, упор в упор!
Глаза распахивают недра.
Глаза – в глаза, упор в упор!

Домой!

Дралась ты вновь, я выпил вновь,
И как приду, не рви рубаху,
Ведь я сказал, моя любовь
Тебе положена на плаху.
Сомнений нет, я все сказал:
Судьбою шел ни зол, ни кроток,
То завязал, то развязал...
Все - больше никаких середок!
Я бросил пить, зашил стилет
В подкладку берега за морем...
И никакой тревоги нет?
И никакого тебе горя?..
Домой «покойника» веду,
Ожившего под здравым смыслом,
Теперь с ума я не сойду:
Вот угол, тут до дому близко.
Да, прошлый раз я не дошел,
Ввязался у подъезда в драку,
И кто-то подло в протокол
Приплел меня, собака.
Волнение солнечным пятном
Взор застилает, ниц ресницы!
Стоит там кто-то, за углом,
Со страхом притаилась птица.
Она всегда, как верный пес,
Навстречу: даром - трясогузка...
Кого же черт сюда занес?
Там, за углом, тропинка узка...
Домой «покойника» веду,
Ожившего под здравым смыслом,
Теперь с ума я не сойду:
Вот угол, тут до дому близко.
Да, прошлый раз я не дошел,
Ввязался у подъезда в драку,
И кто-то подло в протокол
Приплел меня, собака.
Стою в сомнении, поджав
К зубам, что выше, подбородок,
Удар – и вышла вон душа,
И никаких тебе середок!..
Да никого там, видно, нет,
Убили камнем трясогузку,
А в голове, как гром, - стилет,
Раненье, следствие, кутузка...
Домой «покойника» веду,
Ожившего под здравым смыслом,

Теперь с ума я не сойду:
Вот угол, тут до дому близко.
Да, прошлый раз я не дошел,
Ввязался у подъезда в драку,
И кто-то подло в протокол
Приплел меня, собака.
Да, трясогузка не шумит,
Убили, камнем из рогатки,
Ну, вот и я, а дверь скрипит,
А где же ты, играешь в прядки?
Все в голове блазнится ей,
Еще недоставало срока...
Как жалко маленьких друзей,
Как без стилета одиноко...
Домой «покойника» веду,
Ожившего под здравым смыслом,
Теперь с ума я не сойду:
Вот угол, тут до дому близко.
Уф, в этот раз домой дошел,
И никакой кровавой драки,
Ну, выходи же, я пришел,
Не рви рубахи,
Уф, в этот раз домой дошел,
И никакой кровавой драки,
Ну, выходи же, я пришел,
Не рви рубахи,
Не рви рубахи!..

Нет и долга

Докалю я себя добела
И войду в чью-то кровь – закалиться...
Ты во мне очень долго жила,
Из меня тебе не возвратиться.
Я войду в чью-то кровь, не твою,
Я тобою пожил очень долго,
Ты поверь: я уже не в раю,
И еще не в раю. Нет и долга:
Он прошел стороной, долг любви,
И ушел в чью-то плоть – для закалки,
Это что-то чужое в крови,
Но не я. Не любовь - из-под палки!
Это ты виновата во всем,
Что в чужих я искал утешенье,
Шел холодным обильным дождем,
Все с тобою порвав отношенья.
Ты себя не кали до бела,
Я тебя в свою плоть не желаю,
Слишком мало во мне ты жила,
Слишком мало в тебе доживаю.
И не станем мечами звенеть,
И щиты обагрять черной кровью,
Если хочешь закалки – ответь:
Для чего? Так нежны мы с любовью...
Он прошел стороной, долг любви,
И ушел в чью-то плоть – для закалки,
Это что-то чужое в крови,
Но не я. Не любовь - из-под палки!
Это ты виновата во всем,
Что в чужих я искал утешенье,
Шел холодным обильным дождем,
Все с тобою порвав отношенья,
Это ты виновата во всем,
Что в чужих я искал утешенье,
Шел холодным обильным дождем,
Все с тобою порвав отношенья.

Вернуться в сад

В пушистых кронах скука,
Мне надо в сад прийти,
Ведь там любви с разлукой
Случилось по пути
Ты там души садовник
С теплом раскрытых рук,
Теперь мне в подголовник
До дерна свисший сук.
Чудовищная сила меня несет в наш сад,
Как будто сообщили: в саду разверзся ад,
И я спешу, садовник, в мир яблоневых круч,
А небу в подголовник – семь верст огромных туч.
А небу в подголовник – семь верст огромных туч.
В любви своей виновен,
В разлуке виноват,
Я дрался, ведь я Овен,
За свой пушистый сад,
Я завязал бодаться,
Хочу поспать в саду,
Хоть в грезах отоспаться,
Коль в жизни не дадут.
Я не иду сражаться ни с тлею, ни с жуком,
Мне б в небе – отоспаться, утих бы ада гром,
Ведь в небе на до мною опять стада в бега,
Там камнепад, подставлю я небесам рога.
Там камнепад, подставлю я небесам рога.
В измене покалечен,
В разрыве виноват,
Зачем, назначив встречу,
Я не пришел в наш сад.
И время ожиданья
Мне вышло боком тут,
Ведь кто-то час свиданья
Тебе назначил тут.
И голова в кручине у неба, и здесь – ад;
И в грозовой пучине разверзся камнепад,
Засыпал сад по кручи, деревья обломал,
Уж «отоспались» тучи, да ветер погулял.
Уж «отоспались» тучи, да ветер погулял.
Я помню, как из ада,
Упал последний тук,
И поползень проклятый,
Уполз опасный жук,
Тебя он жрал, пленивший,
Но память не отгрыз,
И кроны опушились,

И соки льются ввысь.
Что больше ад – не знаю, любовь или гроза?
Но тут на помощь – раем – любовь в твоих глазах.
Чудовищная сила тебя вела назад,
Коснулись кроны неба, коснулся рая сад.
Коснулись кроны неба, коснулся рая сад...

Ничей

Возвестили так поздно, что ушел я назад.
Опоздали серьезно, не пойму: рад, не рад.
Ни за что не отвечу: не виновник, не знал.
Лучше выпьем - за встречу, на твою опоздал.
Ничего не узнаю, что хотела сказать,
И теперь в твоей тайне ничего мне не внять.
Ты отныне не рядом, укоризной в душе,
И, возможно, ты рада, что не рядом уже.
Ничего не узнаю, что хотела сказать,
И теперь в твоей тайне ничего мне не внять.
Ну, так хлопнем... Иль выпьем?.. Не помин ведь души,
И не лопнем, как слипнем... Лучше не ворошить...
Ничего, что так поздно: мне не поздно назад.
Ничего не серьезно. Ничему я не рад...
Ничего не узнаю, что хотела сказать,
И теперь в твоей тайне ничего мне не внять.
Ты отныне не рядом, укоризной в душе,
И, возможно, ты рада, что не рядом уже.
Ты отныне не рядом, укоризной в душе,
И, возможно, ты рада, что не рядом уже.
Я не рад нашей встрече, и не рад я ни чьей.
Лучше рано, чем вечно: ты – ничья, я – ничей...
Ни за что не отвечу: не виновник, не знал.
Лучше выпьем - за встречу, на твою опоздал.
Ничего не узнаю, что хотела сказать,
И теперь в твоей тайне ничего мне не внять.
Ты отныне не рядом, укоризной в душе,
И, возможно, ты рада, что не рядом уже.
Ты отныне не рядом, укоризной в душе,
И, возможно, ты рада, что не рядом уже.

Кресты

Я виноват перед своим Всевышним,
У вас есть свой? Не ведая, бреду...
Он спас меня... А был я в жизни лишним,
И я теперь его не подведу.
Окурок звездопада, искры сея,
Летя через забор, упал в кусты.
С вином вплелось угрюмое: ну, чей я?
Если ничей, содрать с груди кресты?..
Один наколот в юности, по дури,
Другой – в «Крестах» мне ладил сукин сын,
А в третьем - серафимы в трубы дули,
Но дал Всевышний к покаянью сил!
Он спас, как и всегда, спасал, все веря,
И веры ждал и в сердце, и в устах,
Неверия он ждал во мне к той сере,
Которую сулили мне в «Крестах»...
Сулили звездопады в брызгах жизни -
Вина по легкому, по легкому любви.
И под забором, будто в долгой тризне,
Мои текли бессовестные дни...
Неверия он ждал... И я не верю,
Он веры дал, отвел мою беду.
Отдать мне нечем... Только бы до двери!..
Только б к иконке: там не подведу...
Окурок звездопада, сея искры,
Через забор упал, как пьяный, вдрызг.
Умерь же слабость духа! Сгиньте крысы!
И дай, Всевышний, лишь крещенья брызг...
Он даст... И я к нему бреду дорогой,
Слегка извилистой, и не один, иду -
Со мной подруга... Только б до порога!..
Я виноват пред ней. Но я не подведу...
Что, я не подведу? Но врал и прежде,
И, как и прежде, вновь поверишь ты,
Но только вера в ангела надежды
Глухая, как в крестах моих мечты.
Я виноват перед своим Всевышним,
У вас есть свой? Не ведая, бреду...
Он спас меня, и там, где был я лишним,
Я, может быть, себя еще найду.
Я виноват перед своим Всевышним,
У вас есть свой? Не ведая, бреду...
Он спас меня, и там, где был я лишним,
Я, может быть, себя еще найду.
Он спас меня, и там, где был я лишним,
Я, может быть, себя еще найду.

Я, может быть, себя еще найду.

Души твоей дрожь

В клубке роковом все запутано,
Ты вяжешь мне свитер. Зачем?
Душа мерзлой стужей закутана,
Ее не согреешь ничем.
Ведь ты не даешь обещания,
Верна тому, кто был любим.
Запутался я и отчаянно
Неясного жду, херувим!
Прошу неизвестного счастья?
Грешно неизвестности ждать?
И, если я грешен, о, братья,
Прошу и простить, и понять!
И если я грешен виною,
Повинен греховно, как вор,
О, братья, чего же я стою?!
Прошу снять сомнений укор!
Ты вяжешь мне свитер, запястьями
В примерке он руки мне сжал,
Слетай херувим ты за братьями,
Мой дух от сомнений устал,
Я куртку долой свитер меряю,
А губы ее так близки,
Умерьте во мне злого зверя вы,
Иначе сгорю от тоски.
Уж лучше все разом: судите,
О, братья, чем душу терзать!
А лучше, а лучше – уйдите,
Пусть лучше рассудит нас мать.
Во всех она сердце вложила,
Чем лучше вы мыслей моих,
Когда с грехом праведным жили,
Неправедный грех отклонив.
Прошу я от вас лишь участия,
Но лучше – вдали. Не стерплю!..
Не надо далекого счастья -
В тоске и в вине утоплю!
Не надо и слов безутешных,
И мне безутешным не быть!
Не надо ни честных, ни грешных,
Грешно безутешно любить,
Не надо ни честных, ни грешных,
Грешно безутешно любить.
Ты шерсть распускаешь в запястьях,
Твой прежний был тоньше меня,
В твоих глазах вижу, о, братья,
Невидимый проблеск огня.

Ты свитер довяжешь мне завтра,
Меня за запястья берешь,
И проблеск любви и азарта
Рождает в душе твоей дрожь,
Берешь ты меня за запястья,
И к сердцу поближе влечешь.
Спасибо, небесные братья
Спасибо души твоей дрожь.
Спасибо души твоей дрожь.

Дятел

С молотком отбойным тверди я колю любовь земли,
Ведь в рабочей круговерти я не мил, я весь в пыли,
Ты меня назвала дятлом: не налажу тихий быт.
Нет любви? Так я уеду, где подкоркой всякий сыт.
Но в подкорку мою давит не беспечный глупый стук,
Серым веществом не залит мой судьбы рабочей сук,
Только темнотою давит свет, текущий от любви,
Я тайге кедровой равен, все знобит в душе, в крови.
Без любви один в пространстве ледяного забытья,
Без любви – в непостоянстве, вне любви любовь моя.
Ничего не давит в сердце, ровен пульс на глади льда...
Никуда в любви не деться, без любви же есть куда:
Одинок я на распутье между небом и землей,
Но не гол и не разут я и не болен головой.
Одинок, но всюду нужен, молоток всегда при мне,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.